

Глава 54. Удостоенный особой чести

— Ученик Чу Цы приветствует Великого наставника.

Услышав это имя, инспектор по образованию Чжу бросил на юношу одобрительный взгляд. Так вот он какой, этот Чу Цы.

— Хорошо. Похоже, в уездном училище Юаньшань немало талантов, и с парными надписями вы справились достойно. А как обстоят дела с учёбой?

— Просим Великого наставника проверить нас, — хором ответили ученики.

Инспектор Чжу задал несколько вопросов по Четверокнижию, и те, кого он выбирал, отвечали без запинки, заслуживая одобрительные кивки присутствующих. Основы они усвоили и впрямь хорошо.

Завершив с вопросами, он назвал несколько имён и велел им представить на суд свои лучшие сочинения. В число избранных вошли Чу Цы, Чэнь Цзыфан, Ци Сюй и Цзян Хуай.

Остальные ученики почувствовали укол разочарования. Этот жест недвусмысленно говорил о том, что Великий наставник выделяет именно этих четверых. Впрочем, они были к этому морально готовы и приняли новость безропотно.

Высокий гость, забрав сочинения, удалился в отдельную комнату для отдыха. Следовать за ним дозволялось лишь четверым избранным.

Когда ученики разошлись, Чжан Вэньхай направился к классу Цзя, чтобы отыскать Фан Цзиньяна.

— Цзиньян, почему ты сегодня не отвечал? Даже я придумал одну надпись, а ты ведь точно мог.

Лицо того омрачилось досадой.

— Не то чтобы я не хотел. Просто я вдруг понял, что от волнения у меня одеревенели руки и ноги, а в голове стоял такой гул, что я не мог ни о чём думать.

— Вот как? Неужели из-за этого? Тебе определённо нужно закалять свой дух. Негоже так робеть перед важными событиями.

— Да, — кивнул юноша. — Впредь такого не повторится!

— Не знаю, как там сочинения братьев Чу и Чэня, но очень надеюсь, что этот Ци Сюй не затмит их, — с досадой проговорил Чжан Вэньхай. Он уже успел понять, что Ци Сюй — человек не из приятных.

Фан Цзиньян попытался его успокоить:

— Брат Чу — юноша редкого таланта и блестящего слога. Он непременно заслужит благосклонность Великого наставника. Нам остаётся лишь поздравить его.

***

Инспектор Чжу просмотрел все сочинения, после чего передал их сидевшим рядом коллегам, первым вручив свиток инспектору Мо.

Чу Цы, как и трое других юношей, стоял внизу, не отводя взгляда, и смиренно ожидал оценки.

— Ха-ха, вы все ознакомились с работами. Что скажете?

— Великий наставник, по моему скромному мнению, сочинение Ци Сюя превосходно. Пышный слог, выверенные параллелизмы — в нём чувствуется дух ханьских од.

— Сочинение Цзян Хуая тоже весьма неплохое. Острая критика современности, бьёт не в бровь, а в глаз, и содержание глубоко.

— Мне же весьма по душе пришлось сочинение Чэнь Цзыфана. Изящный и возвышенный слог, незаурядная мысль, а благородство души автора сквозит в каждой строке.

— У каждого свои достоинства, что ж, весьма неплохо. Инспектор Мо, а вы почему молчите? — улыбнулся инспектор Чжу, переводя взгляд на сидевшего слева от него Мо Хуайгу.

Мо Хуайгу, к которому обратились, не ответил. Лишь когда Чжу позвал его снова, тот словно очнулся от глубокой задумчивости, поднялся и произнёс:

— Я настолько увлёкся чтением этого сочинения, что позабыл обо всём на свете и на миг потерял дар речи. Прошу Великого наставника о снисхождении.

На фоне сдержанных похвал других чиновников такая поглощённость говорила сама за себя. Качество работ мгновенно стало очевидным. Чу Цы мысленно показал инспектору Мо большой палец — вот это актёрское мастерство, естественно и без тени переигрывания.

— Ничего страшного. Вы так долго изучали его. Что можете сказать?

— «Сей дар, рождённый высшей благодатью, в веках пребудет, не имея равных», — вздохнул Мо Хуайгу. — Кругозор этого юноши превосходит мой собственный.

Сочинение Чу Цы, основанное на реальности и выстроенное на смелых предположениях, живописало развитие государства на двадцать лет вперёд. В современной классификации его, вероятно, отнесли бы к жанру футуристического эссе, вроде «Мой родной край через двадцать лет».

Древние редко заглядывали в будущее. Их удел — рассуждения о старине и современности. Мало кто осмеливался фантазировать о грядущем, и уже одна эта новизна выгодно отличала работу Чу Цы от прочих.

Более того, он подражал стилю Су Дунпо. Пусть это и не были циньская проза или ханьские оды, но его размашистый слог, исполненный невероятной мощи, будоражил воображение и заставлял сердце биться чаще.

Надо признать, Су Ши был для Чу Цы настоящим кумиром. Он восхищался всем: его стихами и прозой, его жизнью и поступками.

Свиток «О празднике холодной пищи в Хуанчжоу», написанный его каллиграфическим почерком, лежал на столе юноши, и тот не мог начать день, не скопировав его хотя бы раз.

— Слова инспектора Мо — это и мои слова, — с улыбкой кивнул инспектор Чжу. Теперь он мог с чистой совестью вручить Чу Цы табличку с надписью «Добродетельный и честный».

Если бы сочинение оказалось недостойным, инспектор скорее заменил бы награду, чем навлёк позор на своё имя.

Услышав столь высокую оценку, остальные чиновники тоже принялись передавать сочинение юноши из рук в руки, и все, прочитав, согласно кивали, не скрывая своего восхищения.

Чэнь Цзыфан улыбнулся Чу Цы, решив, что позже непременно попросит у него работу для ознакомления. Лицо Ци Сюя оставалось непроницаемым, но в душе бушевала буря, и его неприязнь к сопернику лишь усилилась. Цзян Хуай тоже чувствовал себя уязвлённым, но, вспомнив былые успехи Чу Цы, смирился. Если уступаешь в мастерстве, остаётся лишь работать над собой.

— Чу Цы, подойди. Я вижу, у тебя ещё нет второго имени. Не желаешь ли, чтобы я нарёк тебя им, когда придёт время для твоего совершеннолетия? — Эта мысль пришла инспектору Чжу внезапно, и он, озвучив её, тут же пожалел о своей поспешности.

Ведь нарекать вторым именем могли лишь старшие родственники или наставники. И хотя этот Чу Цы был талантлив, сколько таких талантов кануло в безвестность? Предлагать подобное

было опрометчиво.

Чу Цы поджал губы, но, вопреки всеобщим ожиданиям, не выказал бурной радости и не пал на колени, чтобы принять эту великую честь.

— Благодарю Великого наставника за оказанную милость, и я не должен был бы отказываться. Но в моём сердце уже есть тот, кому я хотел бы доверить это. Прошу простить мою дерзость. — Он низко поклонился. И хотя он стоял перед вышестоящим, в его позе сквозила непоколебимая решимость.

Все присутствующие замерли от изумления. Какой дерзкий юнец! Отвергнуть предложение самого инспектора по образованию — да это же неслыханная самонадеянность!

Инспектор Чжу, услышав отказ, сперва почувствовал облегчение, но затем его охватил гнев — Чу Цы прилюдно унизил его. Если он не назовёт веской причины, то наживёт себе могущественного врага.

— О? И кто же этот избранник в твоём сердце? Твой отец? — ледяным тоном спросил он, нахмурившись. Если отец собирался наречь сына, то здесь возразить было нечего — волю старшего нельзя ослушаться.

— Я рано лишился отца и не удостоился такой чести. Воспоминания о его любви до сих пор терзают мне душу, — сдавленным голосом произнёс Чу Цы и понурил голову.

Он помолчал мгновение, а затем с благодарностью добавил:

— Но судьба была ко мне милостива, послав мне учителя. Он относится ко мне как к родному сыну, он дал мне знания, научил быть человеком, спасал в трудную минуту. Его доброта ко мне безмерна, как небеса. В своём сердце я давно считаю его отцом. Древние говорили: «Небо, Земля, Государь, Родители, Учитель». Он мне и отец, и наставник. Могу ли я представить кого-то более достойного для этой чести?

Эта речь тронула всех присутствующих. Вот он, благородный и преданный юноша! Перед лицом власти и соблазнов он не забыл своего наставника. Достоин уважения и восхищения!

— Хорошо, прекрасно сказано! Встань, — суровое выражение сошло с лица инспектора Чжу, и он, хлопнув в ладоши, рассмеялся. — Я знал о твоём положении и решил испытать тебя. Если бы ты с радостью согласился, я бы разочаровался в тебе. Ты умён, талантлив, предан и благороден. Ты воистину достоин звания «Добродетельный и честный»!

Тут же со всех сторон посыпались поздравления. Чиновники поздравляли инспектора Чжу с тем, что в области Ганьчжоу, находящейся под его покровительством, есть такие верные и благородные люди. Затем поздравляли уездного начальника Яна с тем, что в уезде Юаньшань

под его управлением вырос такой талант. Следом поздравляли главу академии Куна с его выдающимися успехами в воспитании. И лишь в последнюю очередь поздравления посыпались в адрес самого Чу Цы, удостоенного высокой чести, которого превозносили как юного гения.

Юноша сперва замер от потрясения, затем его лицо озарилось нескрываемой радостью, которая сменилась тревогой и смущением. И лишь после долгих уговоров он, трепеща, принял этот великий дар.

«Всё-таки юношеская натура», — решили присутствующие, видя в нём простого и чистосердечного молодого человека.

Они и не подозревали, что волк, скрывающийся под одеждами Чу Цы, уже вовсю виляет хвостом от радости.

<http://bllate.org/book/15354/1429141>